

Солженицын А.И.

12.2.2000.

ПОЛЕМИКА

Революция на газета. - 2000. - 12 февр. - с. 8

...с Валентином Александровым («НГ», 11.12.99)

Вадим Медведев

В ПОСЛЕДНЕЕ время появился ряд публикаций, связанных с отменой репрессивных мер в отношении Александра Исаевича Солженицына и возобновлением публикации его произведений в стране. Статья на эту тему помещена и в «НГ» под названием «Труппу называет директор», автор — Валентин Александров.

События того времени, а также моя позиция и мои действия отражены в этой статье неполно и неточно, с искажениями и домыслами. В связи с этим считаю необходимым более обстоятельно осветить данную проблему.

С ней мне пришлось столкнуться практически сразу после того, как в конце сентября 1988 г. я был избран членом политбюро и утвержден председателем вновь созданной Идеологической комиссии ЦК КПСС.

В середине октября 1988 г. мне сообщили, что в Президиум Верховного Совета СССР поступило обращение руководителей Союза кинематографистов, в котором ставился вопрос об отмене дискриминационных мер в отношении Солженицына. Группа писателей выдвинула требование о восстановлении его в своем Союзе.

18 октября я провел по этому вопросу совещание с участием Лукьянова, Крючкова, начальника 5-го управления КГБ Абрамова, Карпова, заведующих отделами ЦК Павлова, Капто, Воронова, заместителя заведующего отделом Егорова. В ходе обмена мнениями Абрамов и Лукьянов высказались за продолжение жесткой линии, возобновление разоблачительной работы в отношении Солженицына, Крючков и Карпов — за болеезвешенный подход, разграничение правовых аспектов выдвижения Солженицына и его идеино-политических позиций. Я поддержал позицию Крючкова и Карпова, доложил о ней Горбачеву, и в таком духе была составлена записка для политбюро.

В те дни мне пришлось заняться чтением не выходивших у нас произведений Александра Исаевича, присланых КГБ по моей просьбе. Среди них в художественном отношении я не обнаружил для себя ничего лучше того, что было опубликовано в свое время в «Новом мире». — «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор». Автобиографические произведения «В круге первом», «Раковый корпус», равно как и «Красное колесо», за чтение которого я взялся позднее, — при всей необычности языка и писательской манеры — не произвели на меня такого сильного впечатления. Что касается «Архипелага ГУЛАГ», то его трудно отнести к произведениям художественной литературы. Это скорее публицистика, кратко замешенная на крайне субъективной авторской позиции.

В те дни мне пришлось заняться чтением не выходивших у нас произведений Александра Исаевича, присланых КГБ по моей просьбе. Среди них в художественном отношении я не обнаружил для себя ничего лучше того, что было опубликовано в свое время в «Новом мире». — «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор». Автобиографические произведения «В круге первом», «Раковый корпус», равно как и «Красное колесо», за чтение которого я взялся позднее, — при всей необычности языка и писательской манеры — не произвели на меня такого сильного впечатления. Что касается «Архипелага ГУЛАГ», то его трудно отнести к произведениям художественной литературы. Это скорее публицистика, кратко замешенная на крайне субъективной авторской позиции.

Между тем письма деятелей культуры, касающиеся Солженицына, попали в прессу и стали достоянием общественности.

Они активно обсуждались в стране, оживленно комментировались за рубежом. В традиционистски настроенных слоях общества и особенно в партийном и государственном аппарате предложение о реабилитации Солженицына вызывали полное неприятие.

Сказывались результаты длительной пропагандистской кампании, прочное представление о Солженицыне как об идеологическом и политическом противнике, в чем, собственно, была немалая доля истины. Многие по-прежнему считали меры, принятые в отношении его, оправданными, что сейчас надо продолжать действовать этими же методами, то есть «не пускать», «запрещать» и т.п.

В кругах интеллигенции письма встретили сочувственное отношение, но реакция на дело Солженицына была неодинаковой в среде русофильско-патриархального толка, риско выступали за полную реабилитацию опального писателя, рассматривали его как знамя патриотического движения. «Западники» относились к переоценке Солженицына довольно сдержанно и выборочно, выделяя и поддерживая разоблачения писателем сталинских репрессий. Характерно, что в письме, поступившем в адрес Горбачева от «Московской трибуны» (Юрий Афанасьев, Алексей Адамович и др.), а также от группы учёных, на первый план было выставлено требование опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ».

Мне, конечно же, невозможно было оставаться в стороне от возникшей дискуссии. В различных аудиториях, с которыми мне приходилось встречаться, вопросы о Солженицыне ставились напрямую и от острой. И я не уходил от них. Мои выступления довольно широко комментировались в том числе и в зарубежной печати. Лейтмотив состоял в том, что, по выражению одной газеты, «идеолог Коммунистической партии Вадим Медведев недавно наложил категорический запрет на публикацию произведений Солженицына».

Такие утверждения не имели

Вадим Андреевич Медведев — сотрудник «Горбачев-фона».

Солженицыны между Владивостоком и Хабаровском. 1 июня 1994 г.

Фото АП

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛЖЕНИЦЫНА

ничего общего с действительностью. Никаких запретов на публикацию произведений Солженицына, равно как и каких-либо других, конечно, не налагал, полностью отдавая себе отчет о том, что в обстановке плюрализма запреты и административные меры в отношении инакомыслия недопустимы; пусть читатель сам разберется и составит собственное мнение о тех или иных произведениях и их авторах. При моей поддержке книги и журналы, ранее изъятые из свободного обращения, были выставлены на обиные полки библиотек. Это относилось и к тем номерам журнала «Новый мир», в которых были напечатаны произведения Солженицына.

В то же время в публичных выступлениях и в рабочих беседах я не скрывал своей точки зрения на идеино-политическую направленность литературного творчества Солженицына, неприятие его антисоветизма и антисоциализма. Тем более что в то время в обществе социалистическое сознание было еще не поколеблено. Достаточно напомнить, что авторы национальной книги «Иного не дано» выступали не против социализма, а за его очищение и совершенствование.

В то же время в публичных выступлениях и в рабочих беседах я не скрывал своей точки зрения на идеино-политическую направленность литературного творчества Солженицына, неприятие его антисоветизма и антисоциализма. Тем более что в то время в обществе социалистическое сознание было еще не поколеблено. Достаточно напомнить, что авторы национальной книги «Иного не дано» выступали не против социализма, а за его очищение и совершенствование.

У меня сохранилась запись выступления в ЦК КПСС перед журналистами 10 ноября 1988 г. Вот что я говорил в нем:

«В последние недели нас буквально захлестывает волна настроений и требований в пользу политической и литературной реабилитации Солженицына. Раньше не привелось мне, да, откровенно говоря, и потребности в этом не ощущалось, прочитать некоторые его произведения — «Ленин в Шорихе», «Архипелаг ГУЛАГ» и другие. Теперь я сделал это и увидел, откуда истоки многих пассажей на страницах нашей прессы. «Ленин в Шорихе» — это пасквиль на Ленина, находившегося якобы в словоре с германским милитаризмом. Оказывается, Октябрьская революция — дело кучки заговорщиков и авантюристов. От Ленина и только от него идут и красный террор, и ГУЛАГ, и концлагеря, хотя это слово в то время имело другое значение, чем сейчас. О злодеяниях царизма, о белом терроре даже не упоминается.

Начинается Первая мировая война. Ленин, по Солженицыну, восклицает: «Великолепно! Война нам позволяет свалить царизм и осуществить социалистическую революцию». Поступают сообщения о кровавых боях на фронте с огромными потерями русской армии. «Очень хорошо! — якобы потирает руки Ленин, — это приближает кризис царизма».

Или возьмите отношение Солженицына к жертвам сталинского террора 30-х годов. Он всячески изымается над ними, называет их «благонамерными», злорадствует: «...вы создали Советскую власть, вы же стали ее жертвами». Ничего, кроме мстительного сарказма, не найдете у Солженицына в оценке поведения этих мучеников, сохранивших в застенках и в лагерях верность делу социализма и даже веру в Сталина. Но это ведь человеческая трагедия, а не предлог для издевок!

А что стоит рассуждения Солженицына, касающиеся тех, кто в начале Отечественной войны добровольно сдавался в плен и брал из рук фашистских захватчиков оружие для борьбы против Советской власти. «Великий» мыслитель и патриот морально оправдывает эти действия, обнаруживая тем самым, что для него смертельная опасность для страны, независимости и самого существования народа ничтожно в сравнении со слепой ненавистью к режиму.

Солженицына пытаются представить чуть ли не как совестью

человечества, как выразителя гуманистических мироощущений и чаяний. Где же они? Писатель выступает против официальной советской идеологии не с общечеловеческими гуманистическими позициями, а с позиций противоположной, антисоциалистической идеологии.

Многие выдающиеся деятели советской культуры оказались за рубежом. По-разному отреагировали они на события последних лет в стране. Но, пожалуй, для подавляющей части русского зарубежья характерен большой интерес к перестройке, к тем процессам, которые у нас происходят. Солженицына же что-то не слыхать. Хотя бы слово сказал о положительных переменах в стране.

Конечно, Солженицына не вычеркнули из русской литературы и истории, но нельзя игнорировать его политические взгляды и заниматься ими в отношении к нам безразличную позицию».

В начале ноября у Горбачева состоялся обмен мнениями по вопросу о Солженицыне с моим, а также Крючкова, Чебрикова, и Лукьянова участием. Был согласован предложенный нами подход к этому делу, состоящий в разграничении двух сторон — государственно-правовой оценки выявления писателя из страны и идеологической, которая определяет наше отношение к взглядам и политизированным произведениям Солженицына. Было поручено Лукьянову и Крючкову рассмотреть материалы, связанные с принятием указа о лишении Солженицына гражданства, и внести соответствующие предложения, хотя, в принципе, и без анализа документов было ясно, что лишение Солженицына гражданства и высылка его за рубеж не имели юридических оснований.

Мне было предложено провести серию бесед с деятелями культуры по их обращению, касающимся Солженицына. В течение сравнительно небольшого отрезка времени я обсудил этот вопрос с Залыгиным, Распутиным, Астафьевым, Евтушенко, кинорежиссерами Смирновым, Наумовым и многими другими. Все они высказывались за отмену указа о высылении Солженицына из страны и лишении его гражданства, за восстановление публикаций Солженицына в различных произведениях. Вместе с тем многие были согласны с необходимости критической оценки Солженицына из страны и лишении его гражданства, за восстановление публикаций Солженицына в оценке его произведений, в частности, «Архипелага». При этом никаких указаний и запретов не было.

12 декабря в Доме кино состоялось собрание по случаю 70-летия Солженицына. Было много ораторов, в их числе Владимир Лакшин, Олег Виноградов, Юрий Афанасьев, Юрий Калягин, Егор Яковлев. Конечно же, не обошлось без однажды на Лукьянова и Крючкова, хотя это слово в то время имело другое значение, чем сейчас. О злодеяниях царизма, о белом терроре даже не упоминается.

Собеседник вроде бы и понимал это, но вместе с тем сетовал на то, что убедить Солженицына очень трудно, и я понял, что он уже связан договоренностями. Вообще, Залыгин мог бы и не обсуждать этого вопроса в ЦК публиковать то, что хочет, и никто не смог бы воспрепятствовать этому. Но порядочность писателя, наши предыдущие обсуждения, понимание политической значимости этого шага, видимо, не позволили ему так поступить.

В начале лета вопрос достиг критической точки. Складывалась ситуация, когда все основные писательские силы, принадлежавшие к самым различным, в том числе противоположным направлениям, и люди, стоявшие вне группировок, заняли позицию требовательной поддержки не только реабилитации Солженицына, но и публикации всех его произведений. 26 июня я доложил об этом Горбачеву, который, впрочем, и сам располагал необходимой информацией, выразился что безотлагательное решение юридической стороны дела, отмену решений, касающихся высылки Солженицына и лишения его гражданства. Нельзя также дальше настаивать на нецелесообразности публикации тех или иных произведений Солженицына. Во всех этих вопросах надо поставить точку, иначе мы окажемся не то что в хвосте мчащегося Горбачева, а вообще вне его. Горбачев согласился со мной, но просил еще раз переговорить с Залыгиным.

Как и следовало ожидать, позиция Сергея Павловича оказалась еще более жесткой, его решения и действия были фактически уже предопределены, и повернуть вспять уже готовящуюся публикацию «ГУЛАГа» было невозможно. Но он обещал написать свое развернутое послесловие, в котором была отмечена субъективность

и по меньшей мере спорность идеино-политических взглядов Солженицына по ряду вопросов истории нашей страны.

29 июня на заседании политбюро я кратко изложил суть дела, рассказал о своих дискуссиях с Залыгиным и другими деятелями культуры, о практически единодушных настроениях в писательской среде, которая в этом вопросе забыла даже о своих групповых расприах. Сколько-нибудь развернутого обсуждения не было, хотя по отдельным репликам и выражению лиц было видно, насколько мрачная реакция у многих моих коллег по политбюро. Никакого постановления не принималось, просто устная информация была принята к сведению. Имелись в виду, что писатели сами примут соответствующие решения.

А на следующий день состоялось заседание секретариата Союза писателей, обсудившее так называемую проблему Солженицына. В нем приняли участие Алексей Адамович, Андрей Вознесенский, Сергей Залыгин, Владимир Крупин, Сергей Михалков, Янис Петэрс, Виктор Розов и другие. Были оглашены телеграммы Григория Бакланова, Даниила Гранина, Александра Иванова. В результате двухчасового обсуждения секретариат единодушно принял решение о поддержке инициативы издательств «Советский писатель» и «Современник», журнала «Новый мир» начать публикацию литературных произведений Солженицына, ранее не издававшихся в СССР, включая «Архипелаг ГУЛАГ», было отменено решение Союза писателей СССР 1974 года об исключении Солженицына из Союза писателей СССР из-за ошибочных. Секретариат обратился в Верховный Совет СССР с просьбой вернуть Солженицыну гражданство СССР. Все пункты решения были приняты единогласно.

Сергей Залыгина, проявившего, пожалуй, наибольшую настойчивость в решении этого вопроса, даже критиковали за недостаточную твердость, однако в целом во-заблажала точка зрения, что это слишком серьезная проблема и что ее решение на данном заседании оправдано и своевременно. Согласились с тем, что вокруг нее не следует поднимать большой шум и превращать в предмет литературной и политической сенсации. В этом духе были составлены и опубликованы в «Литературной газете» и в «Литературной России» соответствующие информационные сообщения.

Так закончилась эта эпопея. Публикация солженицинских произведений, последовавшая отмена репрессивных мер в отношении писателя, восстановление его гражданских прав не потрясли общество. Но они стали символом утверждения плюрализма, который не ограничивается ни социалистическими, ни даже общечеловеческими ценностями. В конечном счете все стало на свои места. Был открыт путь для восозвращения Солженицына на родину. Российское общество получило полную возможность оценить его творчество, социальные и нравственные идеалы.

Развитие же Россиишло совсем не так, как нужно было бы в соответствии с ее интересами и как представлялось писателю. Он остался верен себе, своим принципам. Вчерашний обличитель советского строя с не меньшей силой стал выступать с жесткой, но обоснованной критикой политики властей, которая ввергла страну в беспрецедентный национальный кризис — экономический, общественно-политический, духовно-нравственный.